Вл. ВОЙТИНСКИЙ

ГОДЫ ПОБЕД И ПОРАЖЕНИЙ

КНИГА ВТОРАЯ

НА УЩЕРБЕ РЕВОЛЮЦИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО З. И. ГРЖЕБИНА
БЕРЛИН
1924

сравненно более ответственное и более захватывающее дело. В Петербурге началось движение безработных, образовался Совет Безработных, поставивший своей задачей борьбу за городские общественные работы; движение увлекло и работающих, завязалась борьба петербургского пролетариата с Городской Думой, и, почти неожиданно, эта борьба увенчалась победой, — были созданы столовыя для безработных, а затем появились и работы. Это было крайне своеобразное движение, и в памяти участников его никогда не сотрутся картины борьбы за «хлеб и работы».

Мне пришлось, в течение двух лет, принимать близкое участие в этом движении в качестве председателя Совета Безработных, и в другом месте я постараюсь восстановить все, что я видел и пережил на этой работе. Но это — особая тема, слишком большая, слишком сложная и слишком близкая мне, чтобы касаться ее попутно, в рамках общих воспоминаний. Здесь я хочу лишь отметить, что благодаря работе в Совете Безработных, у меня установились связи с рабочими во всех частях города, а вместе с тем и тесная связь с большевистским центром, который — главным образом в лице Ленина — с первых же дней заинтересовался движением безработных и помогал мне в проведении кампании даже тогда, когда Петербургский Комитет колебался и, боясь «авантюры», вставлял нам палки в колеса...

Но и об этом эпизоде — в другое время и в другом месте.

Перехожу к жизни петербургской партийной организации.

* * *

В начале 1906 года наша организация переживала глубокий кризис, который зависел не только от настроений «текущего момента», но и от более общих, более глубоких причин.

По рассказам рабочих-участников этих «совещаний», характер их был чисто пропагандистский: депутаты говорили, рабочие слушали. Порой бывало интересно, порой скучно. Никакой организации не получалось.

В конце июня, после того, как большевики одержали победу на петербургской конференции в вопросе об «ответственном министерстве», Петербургский Комитет решил взять совещания с депутатами в свои руки. О смысле этого решения я уже говорил: дело шло не о том, чтобы обеспечить депутатам поддержку рабочих, а о том, чтобы при помощи рабочих вырвать депутатов из под влияния Ц. К.

В это время рабочие массы в Петербурге представляли собою как бы поле, на котором производились всевозможные организационные опыты. В связи с движением безработных мне пришлось близко познакомиться с этими опытами, и вот что писал я о положении в районах в 10 № газеты «Эхо»:

«То, что производится в настоящее время над рабочей массой под предлогом ее «организации», не поддается никакому описанию...

«Началось дело с того, что Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. вздумал проводить выборы от петербургского пролетариата для связи его с с.-д. фракцией Государственной Думы. Дело держалось в строгом секрете от П. К.... Выборы производились для связи с с.-д. фракцией, и в то же время с.-д. организации ничего об этом не знали. Путаница получилась колоссальная. Куда выбирают? Зачем выбирают?..

«Незадолго перед тем по заводам производились выборы депутатов в Совет Безработных...

«Пошли слухи о том, что организуется заново Совет Рабочих Депутатов...

«Идея Совета Рабочих Депутатов была подхвачена эсэрами... Одни эсэры проводили по заводам выборы депутатов для связи с «трудовой группой», другие проповедывали восстановление старого Совета Рабочих Депутатов. На не-

которых заводах выборы были произведены в третий и четвертый раз.

«Между тем, на смену явились лозунги П. К. — заводские комитеты и совещания с фракцией. Идут новые выборы. На иной завод приходят последовательно: представитель Совета Безработных, правый с.-д., левый с.-д., левый с.-р., правый с.-р., — и каждый говорит, и каждый призывает, и каждый устраивает выборы...

«К третьим, четвертым выборам рабочие относятся уже без соответствующего внимания... Нередко приходится слышать от рабочих такие отзывы: в Совет Безработных выбирали, чтобы относить собранные на заводе деньги; в Совет Рабочих Депутатов выбирали, чтобы давать показание на суде[1]); в с.-д. фракцию выбирали — заседать в Думе и следить, чтобы депутаты рабочие как нибудь не промахнулись; в трудовую группу выбирали, чтобы переносить и распространять литературу, и пр. и пр. Всего не перечислить, и из жизни районов можно было бы привести сотни и тысячи примеров, доказывающих, какой яд дезорганизации вливают в рабочие массы все эти организационные эксперименты.»

Чтобы покончить с этим организационным хаосом, я предлагал, прежде всего, установить, что каждый завод во всех районных и общегородских об'единениях должен быть представлен одним и тем же депутатом. Но эта мера, очевидно, не разрешала вопроса о форме организации.

Идея восстановления Совета Рабочих Депутатов вызывала множество возражений. Из них главное было: создавать Совет Рабочих Депутатов — значит подготовлять всеобщую забастовку.

Это опасение разделяли и большевики. Я лично был другого взгляда. Но так как в данном вопросе сбить Петербургский Комитет с занятой им позиции было невозможно, я выдвинул среднее, компромиссное предложение: обще-

---

[1]) В это время подготовлялся разбор дела Совета Рабочих Депутатов 1905 года.

городского Совета Рабочих Депутатов не создавать, но об'единить заводские комитеты порайонно и организовать сеть районных делегатских рабочих советов, которые ведали бы районными делами, как то: помощь безработным, борьба с черной сотней, местные стачки и т. п. Фактически в Петербурге уже существовали организации этого типа в виде районных Советов безработных, которые в то время об'единяли от 100 до 150 тысяч рабочих. Дело сводилось к преобразование и к расширению их. Совет Безработных отиесся к моему плану с энтузиазмом. Лозунг районных рабочих советов имел большой успех и на заводах.

Но в Петербургском Комитете эта кампания вызвала целую бурю. Товарищи напали на меня за «анархическое», «дезорганизаторское» выступление, помимо партийного центра. Я доказывал, что мой план отвечает потребностям момента. Раздавались возражения:

— Это тот же Совет Рабочих Депутатов, против которого мы уже высказались.

— Это еще опаснее: каждый районный совет может по собственной фантазии об'явить политическую забастовку.

И Петербургский Комитет вынес решение: районных рабочих советов не устраивать.

Наоборот, в редакции большевистского «Эхо», где царил Ленин, план, отвергнутый Петербургским Комитетом, встретил полное сочувствие и поддержку.

Этот эпизод показывает, до какой степени организационному хаосу в заводских районах соответствовал хаос организационных планов в головах партийных людей.

Необходимость организации сознавали все, а общего плана не было, и то, что строилось, не только не сплачивало рабочих, но лишь увеличивало разброд.

А между тем, революционная волна в это время подымалась все выше и выше.

* * *

Крестьяне слали в Думу ходоков и все настойчивее требовали скорейшего разрешения земельного вопроса.

Но вместе с тем, оставаясь верны русской пословице «на Бога надейся, а сам не плошай», мужички приступили к разрешению домашними средствами своих давних земельных споров с помещиками. В различных концах России вспыхнули аграрные беспорядки.

Это было широкое, грозное движение. И оно зажгло надежды в сердцах пролетариата.

Среди рабочих наметилось оживление стачечной борьбы. В Петербурге прокатился ряд забастовок. Особенно памятны две из них: булочников и каталей.

Стачка пекарей была проведена при ближайшем участии Центрального Бюро. Для разрешения конфликта была образована «примирительная камера». Иерихонской трубой гремел здесь Н. Рязанов.

Помню, продолжительные споры вызвал вопрос о праздниках. На празднование 1-го мая хозяева, скрепя сердце, согласились, но спорили против празднования 19-го февраля. Это дало повод Рязанову обрушиться на хозяев, вышедших из крестьянского сословия:

— Мы занесем в протокол ваше заявление, рычал он: Мы запишем, что вы отказываетесь праздновать тот день, когда отцы ваши из рабов превратились в свободных граждан.

Хозяева сидели смущенные. Но один из них, господин пшютоватого вида, выручил их:

— Послушайте, возразил он Рязанову: Разве 19 февраля мы получили свободу? Ведь нас ограбили! Это во всех социал-демократических книжках написано!

Не помню, как, в конце концов, был разрешен этот вопрос. Но, в общем, стачка закончилась победой рабочих.

Стачка кателей была еще более крупным событием в жизни рабочего Петербургга. Выбранный 12 тысяч каталей стаченый комитет устроил свою ставку на Куликовом поле (за полотном Финляндской железной дороги), где обычно

собирались безработные. Районный Совет Безработных предложил руководителям стачки свою помощь, — квартиру для заседаний в ненастную погоду, телефон для сношений с отдаленными частями города, бумагу и чернила. Катали были подавлены этой «организацией» и просили Совет принять на себя руководство стачкой. Дело было возложено на меня и на Сергея Малышева. Наша задача оказалась нелегкой. Пришлось иметь дело с чисто мужицкой толпой незнакомой с приемами пролетарской борьбы. Каталям все хотелось ускорить дело, пустив в ход свои средства — камни, ножи, топоры: камни — чтобы снять штрейкбрехеров, ножи — чтобы пугнуть хозяев, топоры — чтобы потопить пару-другую барок. Впрочем, среди них нашлись люди, которые быстро смекнули, что так дело не пойдет, и сумели удержать товарищей от эксцессов. Но с полицией, разгонявшей собрания, дрались и кулаками, и палками, и камнями.

Эта забастовка приковывала к себе в конце июня внимание всех петербургских рабочих. Закончилась она почти полной победой каталей.

Победа была бы еще более полной, но после разгона Государственной Думы катали постановили: прекратить экономическую стачку, чтобы, вместе со всеми петербургскими рабочими, принять участие в политической забастовке.

Но об этом мне еще придется говорить. Пока я отмечаю забастовку каталей лишь, как проявление того под'ема, который наблюдался в конце июня в рабочем движении в Петербурге . . .

Общее возбуждение перекинулось в это время и в казармы. Участились солдатские беспорядки. То отдельные роты, то целые полки пред'являли начальству экономические требования, заявляли о своем отказе стрелять в народ, выносили политические резолюции. За два месяца беспорядки были отмечены в 5 гвардейских полках, в 38 армейских и в 7 казачьих частях.

можно[1]), но подрайонный комитет опросил свыше 100 человек, и все они высказались за большевистскую платформу.

На основании этой справки Петербургский Комитет постановил дать приказчикам на конференции 5 голосов, причем предоставил «руководящему приказчичьему коллективу» назначить делегатов. Отступление от требований инструкции мотивировалось особым значением приказчиков на предстоящих выборах по городской курии.

Возможно, что Петербургский Комитет догадывался, что приказчики представили ему дутые цифры. Но ведь не многим лучше были и остальные цифры, поступавшие в контрольную комиссию: погоня за мандатами шла во всю, и наша скелетическая организация наполнялась «мертвыми душами»[2]).

Впрочем, эти «мертвые души» не были еще главным злом, — хуже была та демагогия, которой окрасились межфракционные дискуссии.

Случайно мне пришлось ознакомиться с тем, как преломлялась наша полемика в головах рабочих.

На общественных работах, которыми руководил Совет Безработных, повсюду были партийные группы. Товарищи неоднократно предлагали мне выступать в этих группах докладчиком со стороны большевистской — хотя бы «диссидентской», — платформы. Но я от этого уклонялся, считая роль фракционного докладчика несовместимой с моим положением, как председателя Совета Безработных.

Однажды приезжаю я на постройку моста, где работало много плотников. Один из них, глава местной партийной ячейки, передает мне новость:

---

[1]) Помню, в числе причин, делающих невозможным устройство собраний в приказчичьем подрайоне, указывалась близость Пасхи: перед праздниками идет, мол, усиленная торговля, магазины закрываются поздно, после закрытия приказчики принуждены оставаться для уборки товаров и т. д.

[2]) Например, окружной район представил на конференцию мандатов, якобы от 450 членов партии, тогда как во всех ячейках районной организации в то время не было и 100 человек.

— А у нас, товарищ Петров, вчера собрание было, платформы сравнивали.

— Кто был от большевиков?

— Товарищ Андрей.

— А от меньшевиков?

— От них никого не было.

— Почему?

— Убоялся, верно, ихний оратор.

— Чего убоялся?

— А чтоб не зашибли его ребята за подлость евонную. Тут мост, тут вода, — никто и не узнает...

— Что вы несете?!

— Да я к тому, что ребята у нас постановили: если меньшевик к нам заявится, — в топоры его, сукина сына, чтобы не продавал буржуям рабочего класса...

— А кто об'яснил вам насчет меньшевиков?

— Товарищ Андрей.

Андрей незадолго до того появился в петербургской организации. Это был молодой человек с угреватым лицом и полуоткрытым ртом (тип губошлепа), безнадежно тупой и невежественный. Во избежание скандала, ему не разрешали выступать на открытых предвыборных собраниях, и он посвящал свои силы «дискуссиям» с меньшевиками, стараясь устраиваться так, чтобы говорить в отсутствие оппонента.

Собрав плотников, я раз'яснил им, что сведения, сообщенные о меньшевиках Андреем, не соответствуют действительности. А на другой день на явке П. К. я рассказал об этой истории и заявил, что буду требовать партийного суда над Андреем. Товарищи были уверены, что я шучу. А когда убедились, что я говорю серьезно, обрушились на меня упреками:

— Вы кампанию дезорганизуете. Может быть, товарищ Андрей хватил через край, — так с кем это не случается? Вы бы послушали, что меньшевики про нас говорят!

Историю, разумеется, замяли.

голодающим, о бюджете, о контингенте новобранцев и т. д. были проведены блестяще. С каждым днем она завоевывала в рабочих массах все больше симпатий.

Отчетливо помню: в марте — апреле у нас, в большевистской организации, определенно любили думскую фракцию, — любили ее, несмотря на разговоры о том, что депутаты «ходят пить чай к кадетам».

Правда, в это самое время большевистский центр собирал обвинительный материал против думской фракции для предстоявшего с'езда. Но эта кампания велась под сурдинку, — петербургская организация, в целом, в ней не участвовала.

* * *

Были в работе с.-д. фракции и промахи. Так, неудачным оказалось ее выступление по вопросу о безработных.

Этот вопрос был выдвинут петербургским Советом Безработных, где еще до начала сессии был выработан план привлечения народного представительства к делу борьбы за «хлеб и работы».

На кредиты, которые могла бы отпустить Государственная Дума, мы не расчитывали: ясно было заранее, что, если Дума и решит открыть такие кредиты, они застрянут в Государственном Совете. Но Дума могла своим политическим, моральным весом придти на помощь безработным в той борьбе, которую они вели с начала 1906 года. Как я упоминал уже, эта борьба протекала в русле муниципального рабочего движения и выражалась в пред'явлении городским думам требования об устройстве бесплатных столовых и общественных работ. В Петербурге, Москве и некоторых провинциальных городах эта борьба увенчалась успехом. Но реакционные городские думы неохотно шли на уступки безработных, столовые, и в особенности, общественные работы были для них бельмом на глазу, и по мере усиления реакции, они стремились от них отделаться.

Весной 1907 года столовые почти повсюду уже были закрыты, а работы были накануне закрытия.

Мы хотели поставить в Государственной Думе вопрос так, чтобы на почве его можно было бы возобновить кампанию под лозунгом «хлеба и работы» во всероссийском масштабе.

Конкретно, мы выработали такой план:

С.-д. фракция должна предложить Государственной Думе признать, что органы городского самоуправления обязаны, в случае массовой безработицы, оказывать безработным продовольственную и трудовую помощь;

Признав этот принцип, Дума должна избрать комиссию для выработки соответствующего законопроекта;

Комиссия должна выработать план организации помощи безработным (при непременном участии представителей пролетариата), а также установить порядок исходатайствования органами местного самоуправления пособий на это дело из государственного казначейства, в случае недостатка собственных средств;

Та же комиссия должна определить размеры кредита, который должен быть отпущен государством на удовлетворение таких ходатайств.

В этом плане все сводилось к тому, чтобы укрепить непосредственный натиск рабочих на городские думы и поколебать сопротивление последних.

Что касается до **принципа**, провозглашения которого мы ожидали от Государственной Думы, то в нем не было ничего утопического: даже наше архаическое «городовое положение» предусматривало, что городские думы обязаны приходить на помощь населению, пострадавшему от **стихийного бедствия**; и в 1906 году, идя навстречу требованиям рабочих, многие городские думы (в том числе петербургская и московская) — толковали этот пункт в том смысле, что под «стихийным бедствием» следует понимать не только пожар, наводнение, землетря-

сение, градобитие, но и массовую безработицу. Оставалось лишь закрепить это толкование...

Выработанный нами план постановки в Государственной Думе вопроса о безработице был без прений принят Петербургским Комитетом.

14 марта с.-д. фракция приняла депутацию Совета Безработных (в составе меня, Сергея Малышева и одного рабочего меньшевика).

Приняли нас довольно неприветливо, при чем, прежде чем мне было дано слово для доклада, представитель Ц. К. Дан внушительно раз'яснил, что нам предоставляется говорить о положении петербургских безработных, не касаясь политических вопросов и избегая советов и указаний депутатам.

Когда я изложил, чего ждем мы от с.-д. фракции, другой представитель Ц. К. выступил с возражениями: обязывать органы городского самоуправления устраивать общественные работы значит вторгаться сверху в их компетенцию и воскрешать «право на труд»; на этот путь с.-д. фракция не может становиться; фракция может лишь предложить Государственной Думе открыть кредит...

На этом прения были прекращены.

Не думаю, чтобы большинство депутатов было склонно принять аргументацию моего оппонента. Но представитель Ц. К. добился от фракции признания, что вопрос о муниципальной помощи безработным еще не вполне выяснен, а выступать в Думе нужно лишь по вопросам, окончательно выясненным. И на этом основании решено было пока не поднимать в Государственной Думе вопроса об обязанности органов самоуправления оказывать помощь безработным, а говорить исключительно об оказании им помощи государством.

Таким образом, из вопроса было выкинуто то, в чём заключался весь его политический смысл.

Вдобавок, говорить в Думе было поручено Арчилу Джапаридзе, — талантливому политическому деятелю, но слабому оратору, не подходившему для данного выступления.

В результате, вопрос о помощи безработным был в Государственной Думе смазан. Предложение с.-д. фракции оказалось чисто академическим, лишенным политического стержня: фракция предложила избрать комиссию для собирания сведений о безработных, выяснения причин безработицы, изыскания способов и формы оказания безработным помощи и обсуждения вопроса о размере необходимых для этого средств.

Выступление фракции было бы еще более неудачным, еслибы его не спасли кадеты, предложившие ограничить задачи комиссии вопросом о помощи лицам, «пострадавшим от промышленного кризиса». Социал-демократы энергично возражали против этого предложения и добились того, что Дума, большинством 223 голосов против 202, его отвергла (один из немногих случаев, когда во второй Думе партия Народной Свободы осталась в меньшинстве).

Итак, комиссия была избрана. Председателем ее оказался эсэр Горбунов, а секретарем Алексинский.

По предложению Алексинского, комиссия постановила пригласить на свои заседания, в качестве «сведущих лиц», Малышева и меня.

В назначенный день и час мы явились в Таврический дворец с ворохами материалов. Но только переступили мы через порог, навстречу нам вышел представительный, блестящий офицер:

— Г. г. Войтинский и Малышев? предупредительно осведомился он.

И получив ответ, еще более предупредительно сообщил:

— В помещение Государственной Думы пропущены вы не будете.

— На каком основании? запротестовал я, пред'являя офицеру полученное мною приглашение за подписью секретаря Государственной Думы Челнокова.

— На основании приказа г. председателя Совета Министров.

Пришлось ретироваться.

Думская комиссия собралась, помнится, раз или два, и работа ее выразилась в том, что она «установила» цифру кредита, необходимого для помощи безработным, — что то 10 или 15 миллионов. Но до рассмотрения этой цифры в Думе дело не дошло; вопрос был похоронен.

Что же касается до внедумской борьбы за «хлеб и работы», то ей думское выступление с.-д. фракции не только не помогло, но даже, в известном смысле, помешало.

На другой день после обсуждения в Государственной Думе вопроса о безработных, черносотенная печать стала требовать немедленного повсеместного закрытия общественных работ. Городское самоуправление, писали газеты, не имеет права тратить на это дело городские деньги, после того, как высшее законодательное учреждение признало, что помощь безработным — дело государственной власти, а отнюдь не отдельных городов.

Вопрос о закрытии работ, с ссылкой на постановление Государственной Думы, был официально поставлен и в Петербургской Городской Думе . . .

Наиболее поучительно в этой истории то, по какой линии произошло здесь расхождение П. К. и Ц. К.

П. К., вслед за Советом Безработных, предлагал: 1) исходить из исторически сложившихся форм борьбы рабочих за помощь безработным; 2) поставить в Государственной Думе вопрос так, чтобы положить начало длительной кампании.

Ц. К. поставил вопрос теоретически, абстрактно, как вопрос пропаганды.

Иными словами: мы, большевики, сами того не подозревая, поставили вопрос по — меньшевистски, — и этого оказалось достаточным для того, чтобы меньшевики перевернули вопрос и придали ему большевистскую постановку.

* *
*

Положение рабочих в Петербурге день ото дня ухудшалось.

Все более обострялась безработица.

Из безработных иные уезжали в деревню, других градоначальство отправляло по этапу до «места приписки». Но многие оставались в городе, по близости от завода или фабрики, откуда были выброшены полтора года назад, в ноябре 1905 года. Жили, голодая, нередко протягивая руку за подаянием. Под влиянием нужды, безделья и унижений, иные из безработных деклассировались, превратились в лумпенов, другие были на пути к такому превращению . . .

Профессиональные союзы были бессильны бороться с бедствием, их средства были ничтожны по сравнению с окружавшим их морем нужды.

Помощь Совета Безработных была недостаточна. Общественные работы сокращались, на них оставалось не больше 1000 человек.

Огромное большинство безработных не получало помощи ни откуда. Участились случаи голодной смерти на улице и самоубийства от голода.

В этой атмосфере рождались акты экономического террора, нападения на мастеров, директоров, инженеров, экспроприации.

В петербургском рабочем движении появилась новая струя, — анархическая. Особенно энергично действовали махаевцы, выступавшие как «Группа Рабочего Заговора».

Мне приходилось часто встречаться с ними, так как главные усилия они направили на то, чтобы подчинить своему влиянию безработных. Я затруднился бы изложить здесь теоретическую основу этой разновидности русского анархизма и определить его отношение к другим родственным течениям. Могу говорить лишь о практической работе махаевцев, об их пропаганде.

Они звали рабочих к «прямому действию», понимая под этим насильственный захват всего необходимого для жизни

и месть врагам трудящихся. Практически это сводилось к экспроприациям и индивидуальному террору.

Обосновывая необходимость такой «тактики», махаевцы резко, в тоне грубейшей демагогии, нападали на социалистов. Так например, рассказывая (по Лиссагаре и Арну) сцены расстрела коммунаров версальцами, они уверяли, что все версальцы, и в частности, Галифе, были социалистами, а коммунары — анархистами. Помню, с какой страстью, с какой ненавистью говорили они о том, как их товарищи умирали от жажды под палящими лучами солнца, в кольце версальских штыков, и как социал-демократы предлагали им пить из лужи, где вода была смешана с кровью...

Речи социалистов о вооруженном восстании представлялись махаевцам предательским маневром охранителей капитализма.

— Когда будет ваше восстание? спрашивали они: Восстает лишь голодный, и в тот самый час, когда он голоден. У тебя нет ничего, — так восстань! У тебя нет оружия? Кирпич, булыжник, нож — другого оружия не нужно голодному...

Эта проповедь находила отклик среди рабочих. Кое-где махаевцам удавалось проводить резолюции с выражением «презрения социалистам». Но даже и там, где рабочие, после горячего спора между махаевцами и социал-демократами, принимали резолюцию о «верности социалистическому знамени», даже и там призывы «Рабочего Заговора» оставляли известный след.

Кто были эти люди, бросавшие кровавые семена в взрыхленную реакцией почву рабочих кварталов? Я не знаю их имен, не знаю, откуда они явились и куда в дальнейшем исчезли. Но при встречах с ними у меня оставалось впечатление, что это люди искренние, до конца искренние, но охваченные отчаянием и в отчаянии дошедшие до исступления, почти до безумия. В них было что-то трагическое и вместе с тем жалкое, какая то затравленность.

Помню мое первое столкновение с ними. Это было немного раньше описываемого времени, когда еще существовали столовые для безработных.

В одной из таких столовых собрались безработные городского района, человек с 1000. Я делал доклад от имени Исполнительного Комитета, говорил о ходе нашей борьбы с Городской Думой. Когда я кончил, на стол рядом со мной вскочил незнакомый мне человек, — с виду не рабочий, — и начал — о расстреле коммунаров, о парламентаризме, о безработице в свободной Америке. Затем, посыпались проклятья против богачей и призывы к индивидуальному террору, подкрепляемые указанием, что и столовым ножем можно «проколоть пузо буржуя». Эта сумбурная речь имела успех, ее прерывали аплодисментами. Отвечая незнакомцу, я старался показать рабочим, что подобные призывы гибельны для них и могут быть полезны лишь полиции. Вдруг мой оппонент выхватил револьвер и, направив его на меня, закричал:

— Вы меня назвали провокатором. Возьмите слова обратно, или я убью вас!

Я тоже вынул револьвер, и так мы стояли несколько секунд друг против друга. Но тут я заметил, что у моего противника все лицо дергается, как у человека, который вот-вот разрыдается. Я махнул рукой и, не отвечая ему, продолжал свою речь. А он спрятал свой револьвер и, взяв после меня слово, стал жаловаться на то, что анархисты повсюду в мире подвергаются преследованиям и оскорблениям...

Таково было мое первое знакомство с махаевцами. Не многим лучше были дальнейшие встречи с ними.

Деятельность этой группы среди безработных имела роковые последствия. Правда, махаевцам не удалось увлечь за собою массу безработных, но одиночки пошли за ними по пути крови и смерти.

В мае были убиты на общественных работах в Галерной Гавани два городских инженера В. А. Берс[1]) и Д. К. Нюберг. Виновники убийства остались не обнаружены, но ходили слухи, что это — дело махаевцев...

Мне кажется, что для рабочего движения весны 1907 года махаевщина характернее, показательнее, нежели оживление партийной работы, которыми были отмечены первые недели существования второй Государственной Думы. Ибо радовавшее нас оживление касалось лишь сравнительно тонкого слоя передовых рабочих, тогда как в массах все отчетливее складывались настроения отчаяния.

* * *

В петербургской с.-д. организации апрель 1907 года прошел в подготовке к общепартийному с'езду, в выработке и обсуждении резолюций, в спорах о «платформах».

Большевики мечтали на предстоявшем с'езде вырвать Ц. К. из рук меньшевиков. А так как выполнить эту задачу можно было лишь при поддержке национальных организаций, то большевистский центр, вырабатывая проекты резолюций, старался сделать их более или менее приемлемыми для латышей и бундовцев.

На передний план большевики выдвинули положение, что революционное движение в России идет к новому под'ему, и что партия должна в своей деятельности ориентироваться на неизбежность вооруженного восстания.

Меньшевики выдвигали вопросы о новой тактике и новых организационных задачах для того — быть может, длительного — периода революционного затишья, в который, по их мнению, вступала Россия.

Дискуссии на этот раз велись менее горячо, чем накануне стокгольмского с'езда. Соотношение сил обоих течений было известно заранее, переубедить друг друга противники не пытались.

---

[1]) Брат Софьи Андреевны Толстой.

Ложью оказались все слова о боевой готовности пролетариата. Ложью оказалась вера в рабочие батальоны.

Это был за полтора года третий удар [1]), и, быть может, самый жестокий, самый тяжелый.

Началось бегство из партии. Уходили от партийной работы не случайные попутчики, не массовики, временно примкнувшие к партии, но лучшие, наиболее сознательные рабочие, много лет отдававшие свои силы революции. В партийных комитетах стало пустынно, безлюдно.

Уходили и интеллигенты, до сих пор не имевшие, казалось, никаких интересов, никаких обязательств, кроме партийной работы. Теперь у одного оказывалась семья, у другого выпускные экзамены, у третьего служба...

А в стране все было тихо. Ни аграрных волнений, ни политических стачек, ни массовых протестов...

* * *

В печальном положении застал я и Совет Безработных.

Я упоминал уже об убийстве руководивших общественными работами инженеров В. А. Берса и Д. К. Нюберга.

Убийство произошло во время моего заключения в Спасской части. Я тотчас же написал товарищам по Совету Безработных, что этот акт может оказать гибельное влияние на движение, что на массы безработных деморализующе подействует кровь невинных людей, пролитая, — якобы в их защиту, — безумными фанатиками. Я рекомендовал товарищам немедленно созвать Совет и вынести резолюцию, осуждающую это убийство. К своему письму я приложил и проект такой резолюции.

Совет, действительно, собрался, принял резолюцию, опубликовал ее. Эти меры, как будто, достигли цели: двойное убийство в Галерной Гавани стало казаться каким то

[1]) Первый удар — в декабре 1905 г., второй — в июле 1906 г.

трагическим недоразумением, ничем не связанным с движением безработных.

Но в душах безработных остался след от пролитой на общественных работах крови. Для массы не было сомнений: молодцы анархисты!

Резолюцию Совета одобряли, — но лишь как военную хитрость, для отвода глаз полиции.

Действия Городской Думы усиливали эти настроения: теперь гласные шли на уступки безработным, были необычайно любезны в разговорах с ними, открыли кредит на окончание работ в Гавани. Мотивы такой уступчивости были ясны для всех.

И все шире распространялось среди безработных убеждение, что с «буржуями» нужно разговаривать револьверами и бомбами. Совет Безработных боролся с этими настроениями, но безуспешно.

Вдобавок, в Совете начались трения между отдельными районами и различными партийными группами.

Организация разлагалась, разваливалась. Держались еще лишь общественные работы, — кое какие постройки, земляные и свайные работы в Галерной Гавани, металлические мастерские на Гагаринском Буяне.

В мастерских было занято человек 300. Среди них — десятка два членов первого петербургского Совета Рабочих Депутатов. Здесь же укрылось человек десять матросов, участников Свеаборгского и Кронштадтского восстаний, жившие по фальшивым паспортам.

Партийная работа велась в мастерских, как нигде в Петербурге: почти все рабочие входили либо в с.-д. организацию, либо в партию социалистов-революционеров. И среди этих сотен рабочих не было ни одного предателя. Слепо веря в «гагаринцев», зимою и в начале весны 1907 года, я широко «использовал» мастерские для партии: устраивал здесь явки, склады литературы и т. д. Как то втечение нескольких недель не удавалось собрать общегородскую конференцию. В городе не было надежного помещения, а

везти полтораста человек в Териоки значило лишний раз демонстрировать их целой ораве шпиков на Финляндском вокзале и в Белоострове. Мы с Малышевым предложили Комитету собрать конференцию в воскресенье, на Гагаринском Буяне. Накануне, в субботу, я собрал всех рабочих, занятых в мастерских, и сказал им:

— Хорошо было бы отработать один день в пользу безработных. Если согласны, приходите завтра с утра в мастерские. А мы тем временем устроим здесь же партийное собрание.

Все поняли, в чем дело, и сразу согласились.

В воскресенье с утра на Буяне стучали молоты. И целый день под этот шум, под прикрытием работы 300 человек, заседала наша конференция. Распустили мы ее, когда патрули донесли о приближении полиции [1]) . . .

Эта история, имевшая место до моего ареста, в конце апреля или в самом начале мая, достаточно характеризует состав рабочих в Гагаринских мастерских.

Но в июле и здесь стали брать верх анархические настроения.

Явилась идея об образовании террористической группы — «Рабочие - мстители» или просто «Мстители». Эта группа должна была разослать угрожающие письма гласным Городской Думы и устроить покушения против тех из них, которые будут выступать за закрытие общественных работ. В частности, говорили о необходимости «снять» члена городской управы черносотенца Онешкевича - Яцыну. Кажется, дело не ограничивалось разговорами: делались приготовления, — за некоторыми лицами была установлена слежка.

---

[1]) Об этом заседании упоминает в своих разоблачениях охранник Болеслав Бродский. Он должен был подкинуть здесь хранившийся у него архив военных и боевых организаций, который полиция рассчитывала захватить вместе с конференцией. Проделка не удалась, по его словам, лишь потому, что заседание конференции происходило в мастерских на Гагаринском Буяне, куда полиция не могла подобраться незаметно.

Удивительно, как эти планы не провалились в самом начале: о них знал чуть ли не весь Гагаринский Буян.

Под конец, увлеклись идеей террористической борьбы с Городской Думой и некоторые члены нашего Исполнительного Комитета. На заседаниях они не говорили об этом, но в частных беседах не раз высказывали мне свои мысли.

В августе выплыл конкретный план: бросить бомбу в заседание Городской Думы с таким расчетом, чтобы взорвать и перебить главных врагов общественных работ на глазах остальных гласных.

Я уже не чувствовал в себе ни сил, ни решимости, чтобы бороться с анархическими течениями в среде безработных так, как боролся с ними полгода тому назад, при появлении «Группы Рабочего Заговора». Я не мог сказать «мстителям»: «Ваши планы грозят массовому движению». Не мог сказать это, так как знал, что массовое движение, все равно, гибнет. Подавно не мог я пускаться с ними в моральные рассуждения о насилии и убийстве. Поэтому спорил я с ними слабо. В глубине души у меня были сомнения: всегда ли пагубна для рабочих террористическая борьба против буржуазии?

За раз'яснением этих сомнений я обратился к Ленину. Поехал к нему в Куокала и рассказал о настроениях среди безработных, о «мстителях», о их намерении бросить бомбу в заседание Городской Думы.

Ленин слушал чрезвычайно внимательно, вставляя время от времени:

— Вот как? Это крайне интересно.

Затем начал расспрашивать:

— Вы думаете, люди у них найдутся?

— Несомненно.

— Надежные?

— Вполне.

Тогда Ленин сказал раздумчиво:

— А может быть, это было бы недурно. Встряхнуло бы...

Но группа «мстителей» распалась, не приведя в исполнение своих замыслов. Для получения средств на устройство покушений члены этой группы решили начать с экспроприации. Нападение, предпринятое ими, оказалось неудачным. Один из участников был убит, другой застрелился во время погони. После этого группа развалилась, наиболее видные члены ее уехали из Петербурга.

Ни о ком из них я не имел впоследствии известий. Вероятно, большинство из них сложили головы в тех налетах, которых так много было в 1907—1908 г. г., или погибли на виселицах.

* * *

В сентябре начались разговоры о выборах в третью Думу.

По закону 3-го июня, петербургские рабочие должны были выбирать своего депутата отдельно от прочих граждан, — рабочая курия была теперь изолирована от городской.

Поднялся вопрос о тактике на выборах. Как в начале 1906 года, закипели споры, — участвовать ли в выборах, или бойкотировать Думу? Социалисты-революционеры решили бойкотировать выборы. Меньшевики твердили, что и первый бойкот был глупостью, и предостерегали от повторения этой ошибки. Среди большевиков обнаружились разногласия.

Часть — пожалуй даже, большая часть — рабочих-большевиков склонялась в пользу бойкота. Но на фракционных собраниях никто из них не мог сколько-нибудь убедительно мотивировать эту тактику. Ссылались лишь на настроения рабочих. Самое слово «настроения» повторялось на каждом шагу. Один из видных рабочих большевиков Михаил (Томский) как то заметил по этому поводу:

— Настроения, настроения! Послушать товарищей, так петербургский пролетариат оказывается нервной девицей с настроениями.

15-го октября собрался Исполнительный Комитет Совета Безработных. Собрание происходило где то на Васильевском острове. Присутствовало человек 35.

Но только успели мы открыть собрание, как явилась полиция.

Поверхностный личный обыск, — хотят удостовериться, нет ли при нас оружия. Выводят задержанных на улицу, где дожидается многочисленный наряд полиции, и отправляют в ближайшую часть.

В части пристав пытается составить список арестованных. Но одни отказываются назвать себя, другие дают вымышленные имена. Пристав выходит из себя...

Группа товарищей обступила меня; убеждают:

— Вы во что бы то ни стало должны выкрутиться. Попытаетесь собрать остатки Совета...

Один молодой рабочий социалист-революционер предложил:

— Берите мой паспорт! Это — «железка». Квартирная хозяйка и дворник — свои люди. Опознают вас за жильца. А я попозже откроюсь на другое имя.

Я поблагодарил товарища, взял его паспорт и, сев в углу, стал зубрить имя-отчество, волость, деревню, адреса прежних прописок и прочие приметы. «Железка» была выдана на имя крестьянина Ломжинской губернии, Кульчицкого или Клемчинского, не помню точно. Меня записали под этим именем.

Среди арестованных оказался рабочий с фамилией Петрова. Его личность заинтересовала пристава.

— Вы студент?

— Нет.

— Председатель Совета Безработных?

Нет.

— Напишите собственноручно ваше имя.

И пристав долго, с недоумением рассматривал его каракули.

Была уже ночь, а нас все держали в части. Мы стали выражать нетерпение. Помощник пристава вышел к нам об'ясняться:

— Мы бы вас давно отправили, да из Главного Тюремного Управления никак не можем получить указаний. Бог знает, что там у них сегодня...

Было далеко за полночь, когда нам приказали собираться. Под караулом полуроты солдат конвойной команды повели окружным путем, через Петербургскую сторону, в Кресты.

Вот знакомое кирпичное здание...

Полтора-два года тому назад я сидел здесь, как Войтинский. У них есть и карточка моя, и почерк. Неужто удастся сойти теперь за крестьянина Ломжинской губернии?

Остановились против тюремных ворот. Старший конвойный звонит. Привратник берет у него пакет. Проходит полчаса, час.

Мы устали. На улице холодно. Начинаем стучать кулаками в ворота. Снова появляется привратник:

— Чего стучите? Нашли место безобразить. Перед тюрьмой!

— Не хотим ждать на морозе.

— А куда я вас дену, когда у м е н я все камеры полны?

Один из рабочих предлагает:

— А ну ка, товарищи, марсельезу! Пускай арестуют...

Затягиваем марсельезу. Солдаты не мешают, — как иначе заставить тюремную администрацию скорее принять арестантов?

Выходит из ворот помощник начальника тюрьмы, заспанный, сердитый. Кричит на конвойных, кричит на нас, грозится. Старший уходит с ним в контору. Спустя полчаса возвращается и командует:

— Становись по четыре в ряд!

Велено вести нас обратно на Васильевский остров, в арестный дом, что на Среднем проспекте. Опять плетемся

жении: они приехали ловить русских революционеров, а столкнулись с местной полицией. Кока выпустили. Он обратился к стоявшим у вокзала извозчикам - финнам и предложил им не брать седоками приехавших русских чиновников. Охранникам пришлось идти пешком, а между тем извозчики уже разнесли по селу весть о том, что произошло на вокзале, и мы разошлись по нашим «убежищам».

Но все же на этот раз шпикам досталась кое какая добыча. Заведовавший техникой большевистского центра Михаил Сергеевич, уходя из дому, забыл взять с собою пачку конспиративных бумаг. А полиция с вокзала отправилась прямо к нему. Произвели обыск, забрали бумаги, опечатали их и сдали на хранение териокскому «полицейскому комиссару».

Вечером один товарищ сообщил мне эту неприятную новость. Не помню точно, что было в захваченных у Михаила Сергеевича бумагах. Кажется, больше всего тревожили нас находившиеся там паспортные бланки, добытые при вооруженном нападении на какое то волостное правление.

Когда стемнело, я отправился к Михаилу Сергеевичу. Он был до последней степени расстроен и мрачно молчал. Спросил лишь меня, где боевики - латыши. Я назвал ему адрес, и он побежал к ним.

А утром наши боевики явились к комиссару с револьверами, скомандовали ему «руки вверх», забрали у него взятые накануне при обыске бумаги и удалились с ними . . .

Эта история внесла некоторое разнообразие в нашу териокскую жизнь.

Целые дни я проводил здесь за письменным столом, — работал над книгой о движении безработных и об общественных работах в Петербурге. К декабрю книга была гото-

ва. Большевистский центр решил при первой возможности издать ее[1]).

В жизни партии за это время произошло крупное событие: 22-го ноября состоялся суд над с.-д. фракцией. Судили депутатов при закрытых дверях. Обвиняемые отказались выступать перед судом, боящимся гласного разбора дела. Ушли с суда и защитники.

10 ч. депутатов были приговорены к ссылке на поселение, 17 ч. — к каторге; к каторге были присуждены также все члены военной организации, судившиеся вместе с депутатами.

В день суда в Петербурге была частичная забастовка протеста. Бастовало до 100 тысяч рабочих. Помнится, бастовал и Путиловский завод.

У нас много спорили о том, правильно ли поступили депутаты, добровольно отдавшись в руки полиции, или они должны после разгона Думы скрыться.

Я находил образ действий депутатов правильным и единственно достойным. Ленин видел в нем бесплодное донкихотство.

Своеобразную позицию занял Алексинский: он предоставил партийной организации решить, должен ли он явиться на суд, или нет. Организация решила, что являться на суд ему не следует. Тогда он заявил, что подчиняется этому решению, хотя и сожалеет о том, что партия не позволила ему разделить участь арестованных товарищей... В искренность этого его сожаления мало кто верил.

* * *

[1]) Печатать ее предлагалось в книгоиздательстве Глаголева, но дело расстроилось, так как издательство подверглось полицейскому разгрому. Надеюсь, что мне удастся еще воспользоваться матерьялами, которые я собрал в этой книге, и которые не потеряли до сих пор интереса.